

зывает сомнений у исследователей. Но есть еще один факт, который следует учитывать, когда идет речь о переходе к новому экономическому порядку. В декабре 1913 г. Конгресс США утвердил предложенный демократической партией «закон о Федеральном Резерве»: так началась официальная история Федеральной резервной системы (ФРС), которой надлежало выполнять функции центрального банка. В Европе уже были подобные банки, но именно ФРС со временем стала «государством» в государстве, ибо по определению судебных инстанций США является «частной коммерческой организацией» [см.: 2].

Как складывалась финансовая ситуация в годы Первой мировой войны и после ее окончания? Внешние займы играли видную роль только для стран Антанты, так как центральные державы не имели возможности получать кредит за границей в крупном масштабе. Общая сумма внешних займов, полученных во время войны союзниками, определялась в 11 млрд дол. в ценах 1913 г. Естественно, росла задолженность. В европейских странах после войны она составила 45,5 млрд руб. вместо 8 млрд руб. в 1913 г., а в неевропейских странах – 25 млрд руб. вместо 17 млрд руб. в довоенное время. Главным кредитором стали США, а доллар, который фактически является «банкнотой ФРС», выдвинулся в число мировых валют [7, с. 47–48].

За прошедшие сто лет картина мира изменилась. И, тем не менее, многие историки и политологи, как и политики, говорят о схожести современного положения с началом XX в., т.е. предвоенным временем. Подобное сравнение весьма тревожно. Любая война, а мировая тем более, вносит изменения не только в политические системы и социальные отношения, но и в экономику, как на региональном, так и глобальном уровнях. Можно спорить и дискутировать о причинах Первой мировой войны, отыскивая все новые повороты в отношениях главных противоборствующих сторон, но не следует забывать, что война была порождена капитализмом и именно это обусловило необходимость установления нового экономи-

ческого и финансового порядка, соответствующего «духу капитализма».

Запад в ходе войны закрепил за собой индустриальную фазу развития, которая стала здесь преобладающей и вызвала стремление у других стран осуществить индустриальный прорыв на иной социально-политической основе (пример СССР, а также восточноевропейских стран после Второй мировой войны). Но реальному социализму так и не удалось выйти за пределы капиталистической системы, ибо финансовый капитал, чье господство утверждалось в XX веке, оказался куда сильнее и прочнее, чем все мировые идеологии. «Сила денег», как пишет английский историк Найл Фергюсон, заключается в том, что финансовый мир имеет четырех тысячелетнюю историю, и человеческое общество не готово прервать ее, и так, скорее всего, будет и впредь [8, с. 361].

Источники и литература

1. Берберова, Н.Н. Люди и логи. Русские масоны XX столетия / Н.Н. Берберова. – М., 1997.
2. Бизнес-журнал. – 2007. – № 17. – 17 сентября.
3. Гурин, И.Г. Была ли Первая мировая война первой мировой войной? (К постановке проблемы) / И.Г. Гурин // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны): Материалы межвузовской научной конференции. Самара. 10–11 декабря 2004. – Самара, 2005.
4. Магадеев, И.Э. Первая мировая как тотальная война / И.Э. Магадеев // Новая и новейшая история. – 2014. – № 4.
5. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. – М., 1994.
6. Соловьев, О.Ф. Массонство в мировой политике XX века / О.Ф. Соловьев. – М., 1998.
7. Стариков, Н.В. Спасение доллара – война / Н.В. Стариков. – СПб., 2010.
8. Фергюсон, Н. Восхождение денег / Н. Фергюсон. – М., 2010.
9. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991) / Э. Хобсбаум. – М., 2004.
10. Четырнадцать пунктов Вильсона // История США. Хрестоматия: пособие для вузов. – М., 2005.

УДК 355.48/49

Н.Б. Хайлова

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА В РОССИИ: ВЗГЛЯД ЛИБЕРАЛОВ-ЦЕНТРИСТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается противостояние либералов-центристов, идеологов журнала «Вестник Европы», попыткам фальсификации отечественной истории в связи с 50-летием судебной реформы (1864) в России.

«Вестник Европы», К.К. Арсеньев, В.Д. Кузьмин-Караваяев, 50-летие судебной реформы (1864) в России.

The article considers the opposition of the liberal-centrists, ideologists of «Vestnik Evropyi» to the attempts of falsification of Russian history in connection with the 50th anniversary in connection with the 50th anniversary of judicial reform (1864) in Russia.

"Vestnik Evropyi", K.K. Arseniev, V.D. Kuzmin – Karavaev, 50th anniversary of judicial reform in Russia (1864).

Юбилейные торжества по случаю 150-летия судебной реформы Александра II проходят в современной России под знаком очередного признания заслуг Царя-Освободителя и его сподвижников. Отмечается неразрывная связь реформы, заложившей основы отечественной правовой системы, с крестьянской и земской, которые преследовали ту же цель – расширение сферы свободы в стране. Тем самым восстанавливается историческая справедливость, утраченная в советский период¹. А какой виделась современникам судьба нового суда по прошествии нескольких десятилетий? В этой связи представляет интерес опыт исторической ретроспекции относительно судебной реформы 1864 г., связанный с ее пятидесятой годовщиной. И, прежде всего, важно «услышать» прозвучавшее тогда мнение непосредственных свидетелей и участников создания новой судебной системы. К 1914 г., когда эпоха Великих реформ стала уже достоянием истории, таких людей, еще «не сошедших со сцены», оставались единицы. Среди «последних из магиан» – Константин Константинович Арсеньев – один из основателей и член редакторского круга, ведущий публицист журнала «Вестник Европы». Начиная с периода революции 1905–1907 гг., это издание играло в общественном движении роль «хранителя основ» Великих реформ Александра II и форпоста либерального центризма, призывая к объединению на широкой либерально-демократической платформе тех, кто не «вписывался» в партийные рамки кадетизма и октябризма.

Профессиональный юрист, Арсеньев более четверти века посвятил непосредственному служению Фемиде, причем на переломном этапе отечественной судебной системы, вступив на эту стезю как раз в пору развертывания судебной реформы 1864 г. В марте 1866 г. он одним из первых подал прошение о зачислении в адвокатуру, а в 1866 г. был утвержден в числе первых в России 27 присяжных поверенных. В 1867–74 гг. Арсеньев возглавлял совет присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты, первым же обобщив результаты корпоративной деятельности столичных присяжных поверенных [1]. По отзывам современников, эта книга «настолярной для всякого адвоката», своего рода «катехизисом русской адвокатуры» (Л.Д. Ляховецкий). Также одним из первых Арсеньев разработал приемы адвокатской техники и правила адвокатской этики в России. Он являлся автором пособий для практических судебных деятелей, много и успешно выступал в качестве защитника на судебных процессах. Фигура Арсеньева-юриста была заметной и на посту тов.

(зам.) обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената (с 1874 г.), и в составе консультации при Министерстве юстиции (в 1880–82 гг.). После выхода в отставку, сосредоточившись на литературно-публицистической и общественной деятельности, он продолжал внимательно следить за трансформацией правовой системы в России, неизменно выступал в защиту курса либеральных преобразований.

В дни полувекового юбилея Судебных уставов 1864 г. Арсеньев с особым чувством воспринял выход книги И.В. Гессена «История русской адвокатуры» [5]. Будучи созданием судебной реформы, адвокатура, по его словам, с момента своего учреждения была одним из «ферментов», противодействовавших застою, вносящих движение в общественную жизнь. Объясняя это явление, Арсеньев обращал внимание на политический «подтекст» суда присяжных и адвокатуры в глазах «образованного меньшинства», которому было хорошо известно, что «суд присяжных входил в состав оппозиционных программ недавнего общеевропейского движения, что из среды адвокатов вышли многие борцы за политическую свободу». Вместе с тем, по словам публициста, «не один только политический ореол привлекал тогда к адвокату прогрессивную часть русского общества; для нее было ясно значение представительства в гражданском, защиты – в уголовном процессе, ясна невозможность правильно организованного суда без правильно организованной адвокатуры» [4, с. 311–312].

Среди юбилейных изданий ценным вкладом в историю русского суда Арсеньев считал также книгу А.Ф. Кони [7] и сборник статей Г.А. Джаншиева [6]. Особую заслугу авторов Арсеньев видел в увековечивании ими памяти «отцов» судебной реформы. При этом с высоты своего опыта публицист счел необходимым подчеркнуть «разновеликость» этих деятелей с точки зрения исторической справедливости: «Д.Н. Замятина эпоха реформ застала уже пожилым, утомленным жизнью человеком; собственного творчества в нее он не внес, но не мешал творчеству других, поддерживал их лучшие стремления – и это обеспечивает за ним сравнительно скромное, но почетное место в истории его времени. Его возвысила та властная роль, которую ему пришлось сыграть в не им созданном и не им руководимом деле. С.И. Зарудный и В.А. Арцимович, наоборот, сами творили, сами двигали вперед великое дело» [4, с. 316]. Отмечая, что далеко «не всем крупным работникам судебной реформы посчастливилось найти таких биографов, как А.Ф. Кони или Г.А. Джаншиев», Арсеньев призывал исследователей обратить внимание, в частности, на фигуру А.А. Книрима, который «в гражданском отделении комиссии, составлявшей судебные уставы, сыграл роль едва ли менее крупную, чем С.И. Зарудный» [4, с. 316]. В то же время он весьма критически оценивал попытку кругов, близких к министерству юстиции, «поднять на щит» гр. Д.Н. Блудова («который, по своему возрасту и давно сложившимся взглядам, не мог явиться истин-

¹ В этой связи достаточно вспомнить 100-летие Судебных уставов 1864 г., которое было использовано исключительно как очередной повод для критики царского самодержавия в русле ленинских оценок нового «буржуазного» суда как «слепого, тонкого оружия беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающего интересы денежного мешка» (См.: Виленский Б.В. Судебная реформа 1864 г. в России (К 100-летию реформы) // Правоведение. – 1964. – № 3. – С. 94–100. – URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1130231>).

ным преобразователем суда»), В.П. Буткова («влияние которого не шло далее тактичной и умелой поддержки действительных работников»), кн. П.П. Гагарина («облегчавшего в качестве председателя Государственного совета движение судебной реформы, но ничего не внесшего в ее сущность») [4, с. 317].

Важным событием юбилейного года Арсеньев считал и сборник статей П.Н. Обнинского [9] – мирового посредника первого призыва, мирового судьи, прокурора, «идеалиста чистой воды, всегда хранившего верность лучшим заветам шестидесятых годов». «Одним из самых сильных обвинительных актов против судебно-административных учреждений, созданных в 1889 г.» публицист «Вестника Европы» называл параллель, проведенную Обнинским между мировыми судьями и пришедшими им на смену земскими начальниками [4, с. 317–318].

Вообще, Арсеньев считал своим долгом противостоять стремлению судебного ведомства к политизации «красной даты». Неизменную отповедь вызывали у него попытки «истолкований» Судебных уставов 1864 г. с целью «приспособить» реформу для нужд «сильных мира сего». Так, в целом, удручающее впечатление на Арсеньева произвело монументальное (в трех томах!) издание министерства юстиции, посвященное юбилею реформы [10]. «Одно из двух: или составление *истории* судебных уставов следовало поручить учреждению, стоящему в стороне от политической борьбы, – замечал публицист, – или же министерство юстиции должно было взять на себя изготовление их *летописи*, т.е. изготовление исчерпывающе полного обзора внешних событий в жизни нового суда... Настоящее издание нельзя подвести ни под ту, ни под другую норму» [4, с. 304].

По словам Арсеньева, «гром» Первой мировой войны, поразивший Россию незадолго до юбилейной даты, с одной стороны, «отодвинул» память о событии на задний план: «Пятидесятилетняя годовщина судебных уставов прошла без общего подъема, хотя и вызвала много светлых воспоминаний» [3, с. 374]. Вместе с тем, подчеркивал публицист, именно военный фактор открывал для страны «просветы в будущее, о которых еще недавно нельзя было и мечтать» [2, с. 333]. Прежде всего, глядя на Судебные уставы 1864 г. сквозь призму войны, Арсеньев предрекал уничтожение «той черты, которую они провели между судами общими для всех сословий и судами специально крестьянскими», поскольку «народная масса, выносящая на себе главную тяжесть войны, переросла судебные учреждения низшего типа» [2, с. 335].

В этой связи возмущение публициста вызвала попытка реабилитации старого суда, предпринятая в юбилейные дни 1914 г. «неширокими, но влиятельными кругами» общества, препятствующими «истинному обновлению народной жизни». По мнению этих «завязатых крепостников», примирение которых с началами новой судебной системы было только кажущимся, крестьянство все еще представлялось «бесформенной массой, объектом управления и опеки, предметом недоверия и подозрений» [2, с. 336],

[3, с. 374]. Апологеты «старинны» также «обрушились» на А.С. Хомякова, позволившего себе в 1854 г. сказать, что в своих дореформенных судах Россия была «черна неправдой черной». Требуя пересмотра этого «либерального приговора», они указывали на то, что «екатерининский» суд был «суд немецкий, т.е. западноевропейский по своему строю», «во взыскании были повинны не столько суды, сколько их канцелярии», а сама взятка имела «характер не столько платы за несправедливость, сколько благодарности за ускоренный или внеочередной труд». Кроме того, подчеркивалось, что в старых судах заседали не только «черные мерзавцы», но и люди иного склада, к примеру, Белинский, Грановский, Станкевич, да и сами деятели судебной реформы были «вскормлены» все той же дореформенной Россией [3, с. 374]...

«Чтобы выступить с такой защитительной речью, нужно было отбросить в сторону всю массу исторических фактов, мемуарных свидетельств, литературных иллюстраций, дающих ничем не смываемую «черную» окраску картине дореформенного суда», – авторитетно заявлял Арсеньев. При этом торжество укоренившейся в судах «черной неправды» он связывал не столько с отдельными одиозными личностями, сколько с такими широко распространенными среди судебных деятелей качествами, как «невежество, лень, непонимание судейского долга, невысокий уровень гражданской нравственности». «У нас не было тех условий, благодаря которым на Западе выработался тип сведущего законника-судьи», – писал Арсеньев, настаивая на том, что «лучшие люди дореформенной России» (в т.ч. деятели судебной реформы) «создались не *благодаря* господствовавшим тогда порядкам, а *вопреки* им, в неустанной и часто безнадежной до трагизма борьбе с ними» [3, с. 374–375].

В «Вестнике Европы» проводилась мысль о том, что стремление кругов, близких к власти, поколебать доверие к самой *идее* нового суда, приписать реформе влиянию моды, проявлявшееся на протяжении пореформенных десятилетий, в итоге привело к серьезному расхождению между замыслами творцов судебной реформы и практикой. В.Д. Кузьмин-Караваев, – еще один член редакторского круга «Вестника Европы», многолетний обозреватель «вопросов внутренней жизни», известный военный юрист, – указывал в этой связи на симптоматичное (спустя 50 лет!) противопоставление в житейском обиходе «нового» суда «старому», говорившее о том, что «суд присяжных, суд скорый, для всех равный и независимый, гласное и устное разбирательство, построенное на состязательном начале», – все это еще не укоренилось в народном сознании и по-прежнему воспринималось как некое новшество, а судебная система продолжала иметь «более общих точек соприкосновения со старым дореформенным судом», чем с замыслом деятелей эпохи Великих реформ [3, с. 379].

В качестве примера нарушения основополагающего принципа судебной реформы 1864 г. – равенства суда для всех подданных – Кузьмин-Караваев

ссылался, в частности, на изменение правил уголовной подсудности. Отмечая, что Судебными уставами 1864 г. для рассмотрения дел, в зависимости от тяжести наказаний, было образовано три формы суда первой степени (мировой судья, окружной суд без участия присяжных заседателей и окружной суд с участием последних), публицист обращал внимание на значительное расширение к 1914 г. списка соответствующих «инстанций» («земский начальник, городской судья, уездный член окружного суда и судебная палата с участием сословных представителей»). «И, при этом, – подчеркивал Кузьмин-Караваев, – основанием разграничения подсудности служит уже отнюдь не одна тяжесть наказаний. В результате получилась подсудность, настолько запутанная и перекрещивающаяся, что о стройности системы уже не может быть речи» [3, с. 380].

Кузьмин-Караваев также констатировал значительное отступление от принципов Судебных уставов 1864 г. в определении и сфере применения военной подсудности, которая была возрождена в мирное время на основании Положения об усиленной и чрезвычайной охране (1881). В результате «за время первого 50-летия судебной реформы, военный суд получил у нас несомненный характер суда, специально предназначенного для рассмотрения наиболее важных и сложных дел», а предание военному суду было «поставлено альтернативно, в виде дискреционного права высших местных или, в известных случаях, центральных органов административной власти» [3, с. 381].

По словам Кузьмина-Караваева, иллюстрацией «широты размаха и смелости творческой законодательной мысли» составителей Судебных уставов 1864 г. служил принцип доверия к судьям, логическим следствием и выражением которого явились независимость суда и самостоятельность судебной власти, а «самым важным шагом вперед» в данном направлении стал суд присяжных («суд народной совести»). «И именно в этой области судебная реформа понесла наибольший урон ... Новый суд был взят под политическое подозрение, и под влиянием этого подозрения шло все дальнейшее развитие законодательства», – замечал Кузьмин-Караваев, ссылаясь на упразднение выборных мировых судей и передачу «ближайшей» к населению судебной власти в руки земских начальников, учреждение присутствий судебных палат с участием сословных представителей, возрождение компетенции военных судов. «А быть судимым высшей и наилучшей формой суда – судом присяжных – стало привилегией представителей подонков населения, совершающих третьи кражи, мошенничества, грабежи и поджоги», – с горькой иронией констатировал публицист [3, с. 384–385].

Проследившая судьбу судебной реформы, Кузьмин-Караваев подчеркивал трудности в ее реализации, дававшие о себе знать с самого начала. Перипетии первых 30-ти лет затем нашли «откровенного интерпретатора» в лице Н.В. Муравьева, министра юстиции с 1894 по 1905 гг. Его деятельность шла

вразрез с основными началами нового суда как не соответствующими «особенностям нашего государственного и общественного быта» и преследовала главную цель – оберегать, прежде всего, «достоинство государства и его правительственной власти». Изменение форм государственного строя в ходе революции 1905–1907 гг. также не повлекло за собой возвращения к началам Судебных уставов 1864 г. Подтверждением того, что «мыслями Н.В. Муравьева министерство юстиции прониклось тогда еще глубже, чем проникалось ими когда бы то ни было», служили для публициста «Вестника Европы» речи министра юстиции (1906–1915) И.Г. Щегловитова в Государственной думе. Среди всех законодательных актов начального периода становления конституционной монархии, имевших отношение к судебной системе, на страницах журнала выделялся по значимости один-единственный закон – о местном суде (1912), поскольку в нем говорилось о восстановлении судебно-мирового института. Однако Кузьмин-Караваев считал симптоматичным сохранение и в этом законодательном акте особого суда для крестьян [3, с. 385–386].

Приветствуя распространение нового суда по всей территории Российской империи («ко дню 50-летия местностей, где действует суд дореформенный, уже нет»), «Вестник Европы» в то же время признавал отсутствие единства в главных формах судебной организации на окраинах и в центре, увеличение «пестроты» судебного строя. К тому же, «ни Царство Польское, ни остзейские губернии, ни Кавказ, ни Сибирь не имеют суда присяжных». Судебная волокита, «урезка» суда присяжных, усложнение подсудности, отсутствие суда равного для всех, ограничение гласности, – все эти негативные стороны в деятельности пореформенных судебных учреждений привели к тому, что «суд, как целое, лишился доверия». Приходя к такому выводу, члены редакторского круга «Вестника Европы» свидетельствовали о том, что в юбилейные дни «прошлое вспоминалось как утраченное, а не как зерно, из которого выросло настоящее» [3, с. 386–387].

«Как много печального в судьбах Судебных уставов 1864 г., – свидетельствовал Арсеньев, – как много понесено потерь и как мало сделано приобретений, как далеко еще и теперь хотя бы до простого восстановления величавой постройки, возведенной полвека тому назад» [4, с. 309]. Размышляя над причинами стремительного «размывания» основ нового суда, растущего противоречия «между тем, что должно быть, и тем, что есть», он констатировал одну из причин упущенного шанса «сделать счастливее судьбу русского народа» – утрату доверия («драгоценного капитала»), приобретенного мировыми посредниками первого призыва и растроченного «ломкою закона в разъяснительных циркулярах и сменой деятелей, свято исполнявших его» [4, с. 310, 317]. Вместе с тем, глубинную подоплеку кризиса «судебного мира» Арсеньев видел в непрекращающихся колебаниях между старым и новым, в результате чего «победа до сих пор почти всегда оставалась на

стороне старого». По его словам, стремление обратиться к суду в орудие власти проявлялось и раньше, но никогда не достигало такой силы, как в годы накануне Первой мировой войны. Указывая на значительную роль «закулисья» в этом процессе, Арсеньев признавал, что нет недостатка и в попытках «возвести практику на степень теории», т.е. принципиально обосновать новую судебную политику, не имеющую ничего общего с воззрениями и чаяниями «отцов судебной реформы»: «Для них руководящим девизом судебной деятельности служили слова: "правда и милость"; теперь "непреложными началами", на которых должен покоиться суд, провозглашаются государственность и национальность». Анализируя «русло» новой судебной политики, Арсеньев приходил к выводу о том, что «никакого точного, для всех одинаково ясного представления слово государственность не вызывает. В официальных сферах оно выражает собою ряд пережитков закончившегося исторического периода, несогласованных и несогласуемых с новыми учреждениями. Переносимое в судебный мир, оно становится источником сделок с совестью. Суду, озабоченному стремлением к "государственности", неизбежно приходится думать о том, не окажется ли его решение идущим вразрез с господствующим и обязательным ее пониманием. Во имя государственности, – так могут рассуждать судьи, – следует быть до крайности строгим ко всему, не укладывающемуся в рамки господствующей в данную минуту правительственной системы...» [4, с. 310–311].

Как представляется, в драматических событиях начала XX в. либералы-центристы из «Вестника Европы» адекватно оценивали причины «пробуксовки» судебной реформы, начатой в 1864 г., указывали на немалые «риски» ее свертывания. Вместе с тем, они отмечали значимую («без преувеличения, без натяж-

ки») роль Великих реформ и, в частности судебных преобразований, в деле обновления России: «Крестьянин-присяжный, как и крестьянин-земский гласный – прямой предшественник крестьянина-избирателя Государственной думы» [2, с. 334]. Даже в условиях разразившейся Первой мировой войны они не теряли присущего им свойства исторического оптимизма. Многие их мысли звучат по-прежнему актуально.

Источники и литература

1. Арсеньев, К.К. Заметки о русской адвокатуры. Обзор деятельности Санкт-Петербургского совета присяжных поверенных за 1866–1874 гг. / К.К. Арсеньев. – СПб., 1875. – Ч. 1–2.
2. Арсеньев, К.К. Хроника. – На темы дня. – Пятидесятилетие судебной реформы / К.К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1914. – № 11. – С. 333–336.
3. Арсеньев, К.К. Хроника. – На темы дня. – Пятидесятилетняя годовщина судебных уставов / К.К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1914. – № 12. – С. 374–376.
4. Арсеньев, К.К. Хроника. – 50-летие судебной реформы в современной литературе / К.К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1915. – № 2. – С. 302–318.
5. Гессен, И.В. История русской адвокатуры. Т. 1. Адвокатура, общество и государство / И.В. Гессен. – М., 1914.
6. Джанишев, Г.А. Сборник статей. К юбилею судебной реформы / под ред. В.П. Обнинского. – М., 1914.
7. Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы / А.Ф. Кони. – Пг., 1914.
8. Кузьмин-Караваев, В.Д. Вопросы внутренней жизни. – «Новый» суд через пятьдесят лет после его создания / В.Д. Кузьмин-Караваев // Вестник Европы. – 1914. – № 12. – С. 379–387.
9. Обнинский, П.Н. Сборник статей. К юбилею судебной реформы / под ред. В.П. Обнинского. – М., 1914.
10. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 1–3. – Пг., 1914.